

Этничность и власть

Автор: Ж. У. КЫДЫРАЛИНА

(Социально-этнические конфликты в Казахстане в советский период)

Категории "национальное самосознание", "этничность" и "национализм" в современном мире не утрачивают своей актуальности и остроты. Более того, в нынешних условиях наблюдается значительное повышение роли этнического фактора в общественных процессах: мир полон социальных и политических конфликтов, начинавшихся и продолжающих развиваться по линиям этнических разломов. Отсюда вытекает необходимость, во-первых, постоянного учета властью и обществом данного фактора в целях обеспечения безопасности и стабильности, а во-вторых, извлечения уроков из советского прошлого, которое после тотального нигилизма 1990-х гг. в очередной раз становится объектом политического мифотворчества и присущих этому манипуляций.

Один из примеров такого рода - миф о том, что в Советском Союзе этнической конфликтности как социально значимого феномена якобы не существовало, а обострение межнациональных противоречий, переходящих в трения вплоть до вооруженной конфронтации, - результат демократического транзита и рыночных реформ.

В действительности межнациональные отношения в СССР всегда оставались зоной риска. Однако высшее партийно-государственное руководство, проповедовавшее учение о "пролетарском интернационализме" и успокаивавшее себя и общественность тезисом о единстве советского народа, зачастую не осознавало остроты и серьезности этнических проблем. Формулируя лозунги и тезисы о "дружбе народов", "расцвете и сближении культур", "стирании различий между нациями", "формировании новой исторической общности", советские идеологи стремились попросту абстрагироваться от острых сторон национального вопроса, предпочитая замалчивать связанные с ним проблемы. Идеология внушала, что данный вопрос в стране решен полностью и окончательно, а условия для межэтнических противоречий и конфликтов в ней отсутствуют. Поэтому документальные источники об этнических конфликтах в центре и союзных республиках, трактуемых как "отдельные националистические проявления", были строго засекречены, да и по сию пору значительный их массив все еще остается недоступным для исследователей. Поэтому обнаруженные мною в Архиве Президента Республики Казахстан (АП РК) и Специальном государственном архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК) материалы по этнической ситуации в этой советской республике, во-первых, позволяют раскрыть механизмы нарастания этноконфликтного потенциала в обществе и характерные для соответствующей эпохи способы реагирования на это властей. Во-вторых, дают возможность деконструировать

Кыдыралина Жанна Уркинбаевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры политических технологий Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан (Астана).

опасный в политическом плане миф о бесконфликтности общества, управляемого тоталитарными методами.

Я намеренно воздерживаюсь от описания ситуации в Алма-Ате в декабре 1986 г. - жестокого подавления выступлений казахской молодежи на площади им. Л. Брежнева, поскольку эти события, во-первых, получили объективную оценку, благодаря работе комиссии по их расследованию, созданной I Съездом народных депутатов СССР по инициативе казахского поэта М. Шаханова, поддержанной известными и авторитетными в стране людьми - А. Сахаровым, Б. Ельциным, Е. Евтушенко, Ч. Айтматовым и др. Во-вторых, это был, в первую очередь, конфликт союзной республики с союзным Центром, тогда как предмет моего исследования - этническая конфликтность внутри Казахстана.

Итак, реальная ситуация в Казахской ССР с начала 1950-х гг. - отнюдь не та идиллическая картина межнационального братства, которая наверняка знакома многим по художественным кинолентам об освоении целины. Естественно, начавшееся после смерти И. Сталина частичное улучшение политического климата в стране способствовало позитивным сдвигам в национальном вопросе и позиции центральной власти в ее взаимоотношениях с союзными республиками (как минимум, депортации целых народов в Казахстан прекратились). Тем не менее издержки политических решений Центра, принимавшихся без учета этнического фактора, были очевидны. И это приводило к раскручиванию спирали межэтнических конфликтов, что показала, в частности, целинная эпопея.

К моменту освоения целинных и залежных земель в северном Казахстане проживало неоднородное население, представленное казахами и спецпереселенцами - немцами, чеченцами, ингушами, крымскими татарами, турками-месхетинцами. Прибытие сюда значительного количества целинников - главным образом, русской и украинской молодежи, среди которой, помимо добровольцев было немало социально неустроенных людей, включая неоднократно судимых за уголовные преступления (АП РК. Ф. 708. Оп. 14. Д. 259. Л. 147 - 160), способствовало образованию в республике не менее трех линий потенциальной этнической напряженности.

Первая из них - **конфликтность на бытовой почве между представителями различных национальных общностей**. Ее первопричиной была не столько собственно межэтническая рознь, сколько социальная неустроенность и незащищенность участников целинной кампании. Поскольку эти сюжеты неоднократно описывались исследователями (см., например, [Поль, 2004]), я ограничусь краткой констатацией фактов. Официальные советские СМИ того времени описывали деятельность всесоюзных молодежныхстроек в восторженных тонах, тщательно скрывая от общественности реальную картину творившихся там безобразий. Бездушное отношение к судьбам приехавших людей, невыносимо тяжелые условия труда и быта (жизнь в палатках, антисанитария), плохая организация системы общественного питания, перебои в обеспечении питьевой водой, использование целинников на работах не по специальности, необеспеченность строительными материалами, несвоевременная выплата заработной платы и низкий ее уровень, - вот основные компоненты целинной эпопеи. Они-то и стали причиной крупных выступлений рабочих, например, в Темиртау 1 августа 1959 г., в ходе подавления которого 16 человек погибли, 50 - получили ранения. Или забастовка строителей элеватора в Павлодарской области (22 июля 1961 г.) из-за недельной задержки выплаты зарплаты, в результате чего люди были вынуждены питаться в столовой в долг под залог своих паспортов и комсомольских билетов (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 9. Арх. N 1. Л. 72; Л. 193).

Неудивительно, что в такой атмосфере легко вспыхивали бытовые ссоры, зачастую оборачивающиеся этнической микроконфликтностью. Хотя официальные сводки всегда стремились квалифицировать подобные случаи как чисто бытовое хулиганство, прикрывая его описания эвфемизмами типа "антиобщественные проявления", "массовые беспорядки" и т. п., отдельные документы фиксировали этническую принадлежность групп - участников противоправных действий. Например, когда речь шла об участниках массовой драки курсантов школы механизации и спецпереселенцев - чечен-

цев и ингушей (12 декабря 1954 г., с. Елизаветинка Акмолинской области). Точно так же "групповыми хулиганскими проявлениями" были названы столкновения в Павлодаре (23 - 24 мая 1964 г.) между молодыми рабочими-строителями треста "Промстрой" и местной казахской молодежью. Большинство таких конфликтов происходило в летне-осенний период - во время уборки урожая, когда в Казахстане появлялось особенно много "случайных" людей, приехавших добровольно или направляемых на уборку (СГА КНБ РК. Ф. 9 Оп. 12. Арх. N 1. Л. 289 - 299). По мере налаживания жизни, укоренения на новом месте переселенцев из других регионов страны обстановка стала постепенно нормализовываться. Определенный эффект дали действия по поддержанию общественного порядка правоохранительными органами. Главным фактором обеспечения относительной стабильности в регионе стал переход от мобилизационных методов освоения целины к созданию там нормальных по советским меркам условий для жизни людей.

Начавшаяся после XX съезда КПСС политика реабилитации депортированных народов и восстановление некоторых их автономий, существовавших до Великой отечественной войны (балкарской, чеченской и ингушской, калмыцкой, карачаевской), стали первыми шагами в направлении хотя бы частичного восстановления исторической справедливости. Однако проведение этого курса не могло не спровоцировать ряд этноконфликтных ситуаций. Как только в 1956 г. со спецпоселенцев были сняты ограничения по передвижению, началось возвращение людей из мест ссылки на прежнее место жительства. Процесс возврата бывших ссыльных на родину не мог идти гладко хотя бы потому, что их домами и имуществом с 1944 г. пользовались, причем на законных для того времени основаниях, другие люди. Негативный сценарий развития событий усугублялся и тем, что "возвращенцы" и сменившее их население, как правило, относились к разным этносам. Например, к 1958 г. стало очевидным, что значительное количество сосланных вайнахских семей вынужденно остались в Казахстане, потому что часть территории ликвидированной Чечено-Ингушской АССР была передана Северной Осетии. Так что принятие 9 января 1957 г. Постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении этой автономной республики вызвало многочисленные жалобы и претензии всех, кого не удовлетворял произошедший территориальный раздел.

Закономерным следствием такого рода неурегулированности и логической незавершенности действий советского правительства по ликвидации последствий сталинской депортации стало нарастание **конфликтности по линии противостояния репрессированных народов и местной власти**, связанное с активизацией их правозащитной деятельности. Оно вылилось в растянувшуюся на долгие десятилетия борьбу за возвращение в места исконного проживания и восстановление автономий. Яркий тому пример - движение за полную реабилитацию **советских немцев**, с которых, как и с крымских татар, до Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. не было смыто клеймо предателей и изменников.

Скрытая дискриминация немцев местными властями и ощущение явной исторической несправедливости в связи с отказом восстановить их политическую автономию спровоцировало у немецкого населения Казахской ССР эмигрантские настроения, поощряемые правительством ФРГ, радиостанцией "Немецкая волна", западногерманскими "Красным крестом", религиозными и культурными организациями. Энергичную работу по репатриации вели неформальные религиозные общины, особенно меннониты, значительно укрепившие свое влияние среди немецких спецпереселенцев за период ссылки. Количество заявлений от советских граждан немецкой национальности на выезд за границу (естественно, в ФРГ, а не в социалистическую ГДР) увеличивалось из года в год. Эти заявления до середины 1970-х гг. отклонялись властями без формального объяснения. Органы государственной безопасности препятствовали любым контактам с ФРГ, даже получению посылок с гуманитарной помощью. Среди их адресатов проводилась, как бегло указывалось в официальных сводках, "разъяснительная работа о про-

исках западных империалистов" (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 12. Арх. N 1. Л. 298 - 300; Оп. 87. Арх. N 3. Л. 49 - 54).

Близорукость государственной политики в отношении немецкого населения состояла еще и в том, что в действительности движение за репатриацию в конце 1950-х - 1960-е гг. не было массовым. В то время среди казахстанских немцев куда больший размах получило движение за восстановление немецкой автономии в Поволжье. Толчком к нему стало содержание уже упоминавшегося реабилитационного Указа Президиума ВС СССР в августе 1964 г., снявшего с поволжских немцев статус изменников Родины, но ни единым словом не упоминавшего о восстановлении немецкой государственности на Волге. Это движение даже не было диссидентским: его активисты стояли на позициях полной лояльности советскому строю, надеясь лишь на справедливость. Они просили восстановления немецкой автономии в Поволжье, а не "где-нибудь в новых местах жительства (в Казахстане, Алтае и др.), то есть в местах ссылки советских немцев, что было бы не реабилитацией, а вечным изгнанием и ссылкой всех их и их потомков" (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 87. Арх. N 3. Л. 49 - 54).

Именно с этими предложениями делегация казахстанских немцев отправилась в июле 1965 г. в Москву на прием к члену Президиума Верховного Совета СССР А. Микояну. Хотя во время встречи с ним делегаты были порой эмоциональны, свои просьбы о возвращении "на берега родной Волги" они аргументировали исключительно пользой немецкого народа для СССР, "всем известной работоспособностью и значительным трудовым потенциалом (своей - Ж. К.) нации". Очень важным, с точки зрения делегатов-автономистов, аргументом была апелляция к заслугам немцев в период Октябрьской революции, когда они "в 1918 году вместе с русским народом воевали за советскую власть", выставив против ее врагов "не один полк, а дивизию" (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 87. Арх. N 3. Л. 54 - 56).

Ответственные работники ЦК КПСС имели навыки "урегулировать" подобные вопросы: членам немецкой делегации были даны стандартные разъяснения о невозможности удовлетворения подобных требований и туманные обещания об улучшении их положения на новом месте проживания. Последнее предложение объективно способствовало конфликту их интересов с интересами казахского населения, однако подробнее об этом далее, а здесь хотелось бы привести наиболее характерные примеры официальной риторики в ответе Микояна: "Советские немцы вели себя хорошо во время войны, после войны и ведут себя сейчас хорошо. Они хорошо работают. Сейчас в Целинном крае без немцев вести сельское хозяйство невозможно. У вас есть депутат в Верховном Совете - Беккер. Вы ставите вопрос о восстановлении республики. Но это невозможно, это связано с большими трудностями. Не все исправимо, что было допущено в истории... Будем создавать самодеятельность, школы, издавать газеты. Мы решили создать в Казахстане специальную немецкую редакцию при издательстве, начать выпуск двух сборников альманахов, будут расширены немецкие отделения в Кокчетаве, Алма-Ате, Караганде" (СГА КНБ РК Ф. 9. Оп. 87. Арх. N 3. Л. 59). Неудовлетворенная результатами долгожданного приема у Микояна делегация советских немцев обратилась к члену Президиума ВС и секретарю ЦК КПСС М. Сулову. Результат был таким же.

Между тем требования, направленные на защиту национальных интересов народов, в какой бы форме они ни выдвигались, всегда рассматривались властью как угроза социалистическому строю, а потому приравнивались к антисоветизму. Именно такую оценку получили автономистские устремления немцев в докладе КГБ при Совете Министров Казахской ССР ЦК КП Казахстана 9 марта 1966 г. В нем подчеркивалась опасность имеющихся "данных об антисоветских настроениях среди немцев... в связи с отмечающейся в последнее время концентрацией немецкого населения в определенных районах республики". Серьезность отмеченной КГБ ситуации состояла в том, что участники автономистского движения - члены КПСС и беспартийные - в то время активно занимались сбором подписей и денег для поездки очередной делегации в Москву и устраивали совещания сторонников автономии для обсуждения организационных вопросов (АП РК. Ф. 708. Оп. 30. Арх. N 82. Л. 117).

Далее последовали оргвыводы. В докладной записке КГБ в ноябре 1965 г. указывается в этой связи, что с наиболее активными автономистами были проведены предупредительно-профилактические беседы, после которых "их деятельность заметно снизилась". Однако, отмечалось далее в документе, "ряд немецко-автономистов по-прежнему вынашивает намерение организовать поездку в Москву третьей "делегации". Для этого в Талдыкургане уже собрано около 250 подписей и 750 руб. денег, в Усть-Каменогорске - 300 подписей и 200 руб. В январе и феврале 1966 г. в г. Темиртау были обнародованы 10 листовок антисоветского содержания с требованием создать немецкую автономную республику. Органами КГБ республики принимались меры к усиленному наблюдению за действиями автономистов в период подготовки и работы съездов КП Казахстана и КПСС и предотвращению возможных их выездов в Москву к открытию XXIII съезда КПСС" (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 87. Арх. N 3. Л. 19 - 23). Подобного рода усилия органов госбезопасности увенчались "успехом": правозащитное движение советских немцев, основным требованием которого было восстановление автономии в Поволжье, в 1970 - 1980-е гг. практически сошло на нет, а его участники и просто заинтересованные в этом люди окончательно переключились на переселение на историческую родину - в ФРГ.

По сходному сценарию развернулось в Казахстане в 1960-е гг. движение за восстановление автономии *турок-месхетинцев*¹. Один из их лидеров, Э. -М. Одабашев в октябре 1964 г. намеревался провести в Талгаре (Алма-Атинская область) учредительный съезд движения за возвращение на родину, на котором предстояло избрать делегацию для поездки в Москву. В случае отказа в удовлетворении их требований делегатам предлагалось организовать демонстрацию протеста на Красной площади или же обратиться в ООН через посольства США и Турции. Принятыми мерами спецслужб акция была сорвана (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 22. Арх. N 1. Л. 94 - 95). Сам же Одабашев, инвалид Великой Отечественной войны, позднее был осужден на два года лагерей.

Тем не менее движение за возвращение домой среди казахстанских турок-месхетинцев не прекратилось. Усилиями их активистов в 1964 - 1967 гг. в ряде районов Алма-Атинской области был создан ряд местных комитетов за возвращение в Грузинскую ССР. Проводился сбор денег, заявлений, направлялись коллективные письма в инстанции, подбирались делегаты для поездки в Москву с целью ходатайства о возвращении народа к прежним местам жительства. В 1964 г. в составе общей делегации месхетинцев, выезжавших в столицу СССР, было два жителя Алма-Атинской области. В 1967 г. из Казахстана в Москву отправились семь человек (СГА КНБ РК Ф. 2. Оп. Арх. N 652. Л. 245). Результаты этих обращений всем известны: "разъяснительные беседы" или арест по обвинению в антисоветской деятельности. Именно поэтому в 1970-е гг. месхетинцы все чаще стали апеллировать к мировой общественности и к западным странам, призывая содействовать решению их проблем, включая право возвращения на историческую родину (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 22. Арх. N 1. Л. 121 - 124).

Подъем активности репрессированных народов, по всей видимости, стимулировал развитие автономистского движения среди *уйгур* - коренных жителей пограничных с Китаем районов Казахской ССР, не повергавшихся депортации. Первоначально оно выглядело отголоском ирредетизма конца 1940-х гг., когда одним из внешнеполитических планов СССР было отторжение от гоминдановского в тот момент Китая провинции Синцзян-Уйгурия и создание Уйгурской советской республики, в которую предполагалось включить некоторые районы Казахстана, населенные преимущественно уйгурами. Естественно, после победы китайских коммунистов над гоминдановцами и началом "великой советско-китайской дружбы" подобные планы исчезли сами собой.

И вот в 1960-е гг. представители творческой уйгурской интеллигенции Казахской ССР вновь на фоне ухудшения отношений с Китаем начали обсуждать вопрос о необхо-

¹ Основная их часть была депортирована из Грузии в Ошский район Узбекской ССР. Но около 40 тыс. человек были сравнительно компактно расселены на юге Казахской республики - в Алма-Атинской, Чимкентской и Джамбульской областях.

димости создания на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР уйгурской государственности. Об этом сообщалось в информации спецорганов в ЦК КП Казахстана 19 января 1967 г. В документе указывалось, что особенно активно эта тема поднималась сотрудниками отдела уйгуроведения АН КазССР А. Вахидовым, Ю. Мухлисовым, Б. Аршидиновым и Ш. Кибировым. Причем Вахидов рассказывал своим единомышленникам, что он направил в ЦК КПСС заявление по поводу необходимости создания самостоятельного Уйгурского государства на территории Синьцзяна. Он же выдвинул идею создания комиссии в составе представителей уйгурской творческой интеллигенции из Казахстана и Узбекистана по уйгурскому вопросу, которая в будущем станет "основным ядром организации, имеющей целью освобождение Синьцзяна" (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 22. Арх. N 1. Л. 99 - 102).

Разъяснительные беседы с представителями компетентных органов в тот момент оказались эффективными, но спустя десять лет в сентябре 1977 Кибиров опять направил в высшие партийные инстанции страны и Казахстана документ, в котором на этот раз излагалась необходимость предоставления советским уйгурам автономии. Мотивировалось это необходимостью развития культуры этноса, страдавшей "из-за отсутствия вузов с преподаванием на уйгурском языке, малочисленности органов печати и другим причинам, из-за которых представители уйгурского населения ограничены в своем интеллектуальном и творческом росте" (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 22. Арх. N 4. Л. 79 - 83).

Итак, властям республики вроде бы удалось справиться с движениями этнических меньшинств, пытавшихся ненасильственными способами - массовыми кампаниями по организации писем властям, направлением делегаций в Москву, аудиенциями у высших партийных чиновников - добиться возможности вернуться домой и восстановить существовавшие в довоенное время автономии. В 1970-е гг. развитие данного направления этнической конфликтности в республике перешло в вялотекущую стадию. Однако в действительности политика высшего партийно-государственного руководства СССР и Казахской ССР, в силу идеологических установок не стремившегося к подлинному решению проблем репрессированных народов, лишь переводила конфликтную ситуацию в латентную форму.

В этой связи весьма красноречиво свидетельство Ф. Бобкова - в то время начальника пятого управления КГБ СССР: "В конце шестидесятых годов... руководство страны уходило от решения этих вопросов, что, естественно, вызывало настороженность и остальных этнических групп, а появление агрессивно настроенных экстремистов то в одном, то в другом национальном сообществе порождало новые и новые сложности. Власть предрешающие упорно загоняли процесс вглубь, заботясь лишь о том, чтобы он не вышел на поверхность. Они всеми силами старались замолчать, заглушить национальные противоречия, нисколько не заботясь о будущем" [Бобков, 1995, с. 285].

Вполне закономерно, что нерешенность проблем репрессированных народов и неуклюжие попытки вопреки их желанию связать их будущее с Казахстаном волей-неволей стимулировали **конфликтность между меньшинствами и титульным, казахским этносом**. Одним из первых ее всплесков стали события в Целиноградской и Кокчетавской областях летом 1979 г., малая изученность которых делает целесообразным более подробное их описание. Поводом к началу этих событий стало широкое распространение слухов о предполагаемом образовании Немецкой автономной области на территории Казахстана. Это, естественно, не исключало социально-политические и экономические стороны данного конфликта. Но этнический его аспект имел первостепенное значение, ибо, перефразируя оценку Э. Геллнера, националистическое чувство - это, по большей части, чувство негодования, вызванное конфликтом между реальностью и представлениями этноса о желаемом порядке вещей, а "национальное движение - это движение, вдохновляемое чувством подобного рода" [Геллнер, 1991, с. 124].

Как бы то ни было, 12 - 13 июня в Целинограде и в отдельных районах области, в Ерментау обнаружилось 5 анонимных рукописных листовок, на русском и казахском языках, в которых содержались призывы выступать с протестом против создания Немецкой автономии на территории Казахстана. В ночь на 16 июня и утром в районах распо-

ложения трех вузов Целинограда было изъято свыше 30 анонимных листовок с протестом против образования Немецкой автономии. В тот же день, около 10 часов утра, на центральной площади Целинограда собрались свыше 300 студентов и молодых людей казахской и иных национальностей. Собравшиеся развернули транспаранты с текстами на русском и казахском языках: "Советский Казахстан неделим", "Нет немецкой автономии", "Советский народ Казахстана будет жить без внутренних границ", выдержки из ст. 78 Конституции СССР и др. Участникам митинга были даны соответствующие разъяснения партийно-советским активом. Однако собравшиеся, неудовлетворенные полученными ответами, в 12 часов организованно проследовали в сторону площади железнодорожного вокзала, где активисты призывали молодежь выражать несогласие с образованием Немецкой автономии. В документах КГБ подчеркивалось, что всего на территории Целиноградской области "было обнаружено 103 анонимных документа антиавтономистского содержания, и выявлено 344 участника сборищ" (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 22. Арх. N 3. Л. 109 - 110).

В урегулировании подобных форм протеста использование властью переговоров и разъяснительных бесед было эффективным. Так, в документах отмечается, что "17 - 18 июня под руководством ответственных партийно-советских работников, руководителей ректората и парторганизации были проведены широкая разъяснительная работа и индивидуальные беседы с участниками сборища и лицами, занимавшимися подстрекательством, о неправомерности их действий". Принятые меры способствовали оздоровлению населения в Целинограде и области. Часть студентов и молодежи, "отдельные лица из неорганизованного населения" в количестве 250 человек утром 19 июня собрались у здания обкома партии. Перед ними выступил первый секретарь, заверивший митинговавших, что создание Немецкой автономии властями республики не планировалось. "Собравшиеся неоднократно аплодисментами выразили удовлетворение разъяснением и разошлись" (СГА КНБ РК. Ф. 9. От. 22. Арх. N 3. Л. 111).

Архивные материалы ярко демонстрируют сплоченность казахского населения: антиавтономистские акции прошли и в соседней Кокчетавской области. 27 июня в Кокчетаве студенты местного пединститута для выражения солидарности со студентами Целинограда распространяли листовки с призывом выйти на митинг против Немецкой автономии. Листовки передавались из рук в руки, опускались в почтовые ящики горожан. Призывы к митингу передавались по телефону и путем обхода жилых кварталов города. Но, как говорится в документах, правоохранительными и партийными органами "намечавшееся сборище было предотвращено". Впрочем, 1 июля на центральной площади города все же собрались около 50 чел., которые после разъяснений ответственных работников обкома партии и горисполкома разошлись. После этого обстановка в Целинограде, Кокчетаве и других местах республики нормализовалась (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 22. Арх. N 3. Л. 112).

Отработанная на депортированных меньшинствах практика решения этноконфликтных ситуаций, сочетавшая демагогические обещания с "точечными" репрессиями, вроде бы опять продемонстрировала свою эффективность в деле "умиротворения" казахстанского общества. Однако, как и ранее, эта политика, не устраняя источник межнациональных трений, просто переводила их в "режим ожидания" [Зубкова, 2004, с. 7]. И любой сколько-нибудь значительный кризис грозил новым обострением этнической конфликтности, как это случилось в конце 1980-х гг. на излете существования Союза ССР в Новом Узене (Гурьевская область). Как и в предыдущем эпизоде, причины, вызвавшие массовые беспорядки в этом городе летом 1989 г., конечно же, имели социально-экономические корни: город и окрестный район считались одними из наиболее депрессивных с точки зрения развития социальной инфраструктуры. И поскольку подобная обстановка до предела обостряет групповые противоречия, они легко конституируются по критерию этнической идентификации.

Как и во всех конфликтах, достаточно было малейшего бытового повода, чтобы накапливающееся недовольство выплеснулось наружу. Таковым в новоузенском конфликте стала произошедшая в ночь 16 июня 1989 г. драка на танцплощадке между груп-

пами молодежи казахской и кавказской (в основном, лезгины) национальностей. Столкновение моментально переросло в массовые погромы кооперативных ларьков, киосков, кафе и вино-водочных магазинов, принадлежавших выходцам с Северного Кавказа. Обстановка накалилась до такой степени, что невозможно было сдерживать гнев возмущенной толпы. Как отмечается в документах местного ГОВД, попытки его сотрудников пресечь эти действия вызвали озлобление толпы, ставшей теснить милицию: "Приблизившись по ходу движения к зданию городского отдела милиции, хулиганы предприняли попытку проникновения на его территорию с помощью тарана ворот угнанным грузовым автомобилем ЗИЛ-130. Принятыми мерами, в том числе предупредительными выстрелами в воздух, их удалось остановить и оттеснить от ГОВД" (АП РК. Ф. 708. Оп. 139. Д. 1980. Л. 38, 40).

С каждым днем число участвовавших в акциях нарастало. И вечером 19 июня на площади у горкома партии собралось уже около 7 тыс. жителей. Попытки Председателя Верховного Совета Казахской ССР, секретаря ЦК КП Казахстана, прокурора республики, руководителей области выступить на митинге перед собравшимися были сорваны радикально настроенной частью молодежи, которая потребовала в недельный срок выселить из города кавказцев, пользующихся, по их мнению, избыточными привилегиями и извлекающих нетрудовые доходы от кооперативной деятельности. Прозвучало также требование улучшить снабжение города продуктами питания и обеспечить местное население жильем и работой, и, наконец, "провести региональный референдум по таким вопросам, как переименование г. Мангышлака в Мангистау, а г. Шевченко в Актау" (АП РК. Ф. 708. Оп. 139. Д. 1726. Л. 10 - 13; Л. 50).

Исторический опыт показывает, что инициированные или же поддержанные авторитарными режимами претензии доминирующего этноса на исключительную роль в обществе - один из наиболее мощных конфликтогенных факторов, создающих реальную угрозу для целостности государства и региональной стабильности (см. [Национализм... 2007]). Однако общий контекст событий складывался для Казахстана благоприятно. Частичное выполнение социальных требований митинговавших снизило накал конфликта: погромы прекратились. А далее общественное мнение переключилось на более значимые проблемы: будущее Союза ССР, рыночные реформы, обретение Казахстаном независимости, демократизация в нем общественных порядков, реализация собственной модели обеспечения государственной стабильности, межэтнического согласия и формирования казахстанской идентичности. Впрочем, это - тема отдельного разговора.

* * *

Этнические конфликты в Казахской ССР периода 1950 - 1980-х гг. отличались достаточным разнообразием содержания и стереотипностью способов их разрешения. Республиканская власть, построенная, как и повсеместно в СССР, "на принципах жесткой централизации и специфически понимаемых государственных интересах" [Зубкова, 2004, с. 8], рассматривала любое выражение этническими группами своей активной позиции как антисоветскую деятельность и старалась осуществлять над этим жесткий контроль с помощью силовых структур и карательных мер против лидеров национальных движений и участников волнений. Что, конечно, не исключало использование политической и социальной демагогии: характер вмешательства власти в лице правоохранительных, специальных, партийных и советских органов в этноконфликтную ситуацию зависел от ее содержания, национального состава участников и статуса, которым их этнос обладал в советской системе иерархии народов.

В то же время сами факты не только массовых беспорядков, но и правозащитной активности, свидетельствовали о неспособности режима решать национальный вопрос. Этнические конфликты в Казахской ССР демонстрировали постепенный рост национального самосознания среди представителей титульного этноса и меньшинств. В принципе, в условиях нараставшего во время перестройки "быстрого и необратимого ослабления государственной власти и фактического паралича силовых структур" националь-

ные движения различной силы, массовости и направленности стали катализатором развала Советского Союза [Сидорина, Полянников, 2006, с. 331].

В заключение хотелось бы подчеркнуть: этнические конфликты - не только советский или постсоветский феномен, а часть глобальных социальных и политических изменений. Известные в советской истории и, к сожалению, происходящие сегодня на постсоветском пространстве конфликты такого типа показывают, насколько важен постоянный учет этнического фактора в повседневной жизни. В этом контексте способность современного государства своевременно распознавать предпосылки кризисов и эффективно бороться с ними становится одной из ключевых его задач. Любому правительству, говоря словами философа И. Ильина, следует быть лучше своего народа, "ибо именно лучшее правительство сделает и его самого лучшим" [Ильин, 2006, с. 108].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953 - 1985 гг. // Отечественная история. 2004. N 4.

Ильин И. А. О русском национализме. Сб. статей. М., 2006.

Национализм в мировой истории. М., 2007.

Поль М. "Планета ста языков". Этнические отношения и советская идентичность на целине // Вестник Евразии. 2004. N 1 (24).

Сидорина Т. Ю., Полянников Т. Л. Национализм: теории и политическая история. М., 2006.